

T3(2) 722
H12

722 НА ГРАНИ

WOW HA TAPAU

ВОЗВРАЩЕННЫЕ КРЫЛЬЯ

МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД

ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЕННО

обстановке, коммунист Г. Елисеев не дрогнул перед смертельной опасностью и как патриот пошел на самоотверженный героический поступок. Он первым в истории реактивной авиации применил воздушный таран, уничтожив самолет неизвестной государственной при надлежности, вероломно вторгшийся в пределы СССР.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1973 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении боевого задания, капитану Елисееву Геннадию Николаевичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Десять дней спустя приказом министра обороны СССР имя отважного летчика было занесено навечно в списки личного состава первой эскадрильи истребительного авиаполка, где он проходил службу.

Время не властно изгладить из нашей памяти подвиг Геннадия Елисеева. Герой остается в строю, живет в делах и помыслах авиаторов нового поколения. В казарме части оборудован уголок, посвященный герою; ежедневно на вечерней поверке первым называют его имя. Большой раздел отведен подвигу Елисеева в музее боевой славы ВВС округа. Бюст Геннадия Николаевича воздвигнут в полку на аллее Героев. Посвященная ему экспозиция представлена и в Центральном музее Вооруженных сил СССР. Среди летчиков идет соревнование на право совершить полет «за капитана Елисеева». Ежегодно 28 ноября однополчане проводят вечер памяти. Средняя школа авиагарнизона и ее пионерская организация, одна из улиц Волгограда носят имя мужественного летчика.

По стопам отца пошли сыновья. Служит в Советской Армии Игорь, несколько лет назад окончивший общевойсковое командное училище. Александр окончил в 1987 году высшее танковое командное училище и получил направление в Краснознаменный Одесский военный округ. Сыновья героя как бы подхватили эстафету верности воинскому долгу и несут ее дальше.

Глава вторая

ВОЗВРАЩЕННЫЕ КРЫЛЬЯ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОДВИГ

Невозможно подсчитать бесконечное количество встреч и бесед с молодежью, пионерских слетов, читательских вечеров и конференций, которые состоялись за сорок с лишним лет по книге Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». И часто спрашивают: что поддерживало Алексея Маресьева во время многодневных скиданий в лесу с разбитыми и отмороженными ногами? Что помогло перенести мучительные дни и ночи в госпитале после ампутации ног и затем снова сесть за штурвал истребителя, идти в атаку на врага и побеждать?

Коротко не ответишь. Поневоле возникает более общий вопрос: что такое подвиг, где его истоки? Является ли он минутной вспышкой, внезапным порывом, решимостью отчаяния? Думается, героический поступок больше похож на блестящую видимую вершину айсберга, основная часть которого скрыта в глубинах прошлого. Подвиг — это чрезвычайное, сверхвысокое напряжение душевых и физических сил, и подготавливается он исподволь, всей предшествующей жизнью человека.

Сошлемся на биографию Маресьева. В тихом приволжском городе Камышине он спокойно жил в родительском доме, работал токарем на заводе. Конечно же, знал из газет, что вовсю разворачивается промышленное освоение Дальнего Востока, что в 1932 году село Пермское, место высадки первого рабочего десанта, переименовано в Комсомольск-на-Амуре, и туда едут молодые добровольцы со всех концов

страны. Но чтобы самому податься за тридевять земель... нет, такой мысли не было. Внезапно Алексея вызывают в Камышинский райком комсомола, предлагаю поехать на Дальний Восток. Согласился. Вскоре ему торжественно вручили путевку: «Комсомолец Маресьев А. П., токарь по металлу шестого разряда и механик-дизелист, направляется по призыву ЦК ВЛКСМ в город Комсомольск-на-Амуре».

Так очутился на «краю земли» 18-летний парнишка, сошедший в сентябре 1934 года по скрипучему трапу парохода «Коминтерн» на амурский берег. Шуршила под ногами пожухлая осенняя трава, а вокруг — «зеленое море тайги», как поется в современной популярной песне. Оказалось, токари пока не нужны — заводы только еще строились. Требовались лесорубы, и тихоходная баржа доставила новоселов к месту будущей работы — на участок лесоповалы.

Комсомольск — город молодости дал Алексею много друзей и закалку на годы вперед, сопровождал и поддерживал на протяжении всей жизни. Там он впервые поднялся в небо, оттуда был призван в армию. Сначала служил на Сахалине, потом направили в Батайское авиационное училище, где и застала его война. Летный отряд, сформированный из инструкторов училища, отправился на фронт.

...Это было 4 апреля 1942 года в Новгородской области. В воздушном бою над Демянским плацдармом фашисты подбили самолет Маресьева, и он стремительно пошел вниз. Счастье еще, что деревья несколько смягчили удар о землю. Выброшенный из машины летчик упал в сугроб и потерял сознание. Спустя некоторое время леденящий холод заставил очнуться. Кругом — белым-белу, полное безлюдье. Лес точно застыл от мороза. Алексей понял, что находится в тылу врага. Первая же попытка встать на ноги заставила вскрикнуть от боли: ступни обеих ног были разбиты при падении.

Да, это был тяжелый момент. Маресьев решил пробираться на восток к своим, к линии фронта. Несмотря на голод, начавшуюся гангрену, твердая мысль — не сдаваться! — не оставляла его. Когда силы почти иссякли, он стал перекатываться со спины на живот и снова на спину. И так двигался — все-таки двигал-

ся — на восток, откуда все отчетливее доносились орудийные выстрелы, где по ночам виднелись сполохи пожаров. Там сражались товарищи по оружию. Там, с ними, было и его место, только там.

Человека по-прежнему окружали заснеженные мхнатые ели и сосны. Порой подступало полу забытье, и он принимал зимний новгородский лес за дальневосточную тайгу. Представлялось первое временное жилье — тесная, насквозь продуваемая ветрами палатка. Позже построили своими руками более « капитальное» общежитие, с красным уголком и двухъярусными нарами.

Ранним утром — в мороз, в дождь и снег — бригада выходила на лесоповал. Великаны-деревья нехотя падали на землю под натиском топоров и двуручных пил. Потом неподъемные стволы, словно налитые свинцом, укладывали на сани и за веревки выволакивали на дорогу. На освобожденных от леса, расчищенных площадках строили бараки, временную электростанцию, больницу, склады, овощехранилище.

По дороге на лесосеку обсуждали прочитанное на кануне в газетах. Поговорить, поспорить было о чем — великие события происходили на Большой земле. Уже дала первый металл Магнитка, ожил гигант индустрии Уралмаш. Уже бежали поезда по Туркестано-Сибирской железной дороге, поставил свой знаменный рекорд молодой донбасский шахтер Алексей Станюков.

С делянки возвращались в общежитие, не чувствуя рук и ног от усталости. Негнущимися пальцами стаскивали с себя грубые телогрейки, заскорузлые гимнастерки, разбухшие от воды сапоги. Казалось, что никогда в жизни они не носили другой одежды. А на рассвете с пилами и топорами в руках снова выходили на участок.

Память о той тяжелой работе придавала уверенности, когда Алексей, волоча бесчувственные ноги, полз по лесу. «Ничего, — успокаивал он себя, — на Амуре тоже приходилось нелегко, выдержу». В конце концов через восемнадцать дней так оно и вышло. Деревенские мальчишки Сережа и Санька из села Плавни Валдайского района нашли и спасли человека, замерзшего в лесу. Много лет спустя Сергей Петрович

Малин и Александр Михайлович Вихров приезжали в Москву, навестили прославленного героя. Онемев от волнения и нахлынувших воспоминаний, смотрели они друг на друга. Растроганный Маресьев обнял своих спасителей, крепко прижал к груди...

В подмосковном госпитале врачи сказали, что у летчика гангрена и ради спасения жизни нужно ампутировать обе ноги. Вот тогда и встал пугающий вопрос: как быть дальше? Он привык жить и работать на высоком накале, в полную меру сил. Расстаться с профессией летчика-истребителя означало бы для него потерю самого дорогого в жизни.

Впервые с момента катастрофы Алексей упал духом. «Может ли герой испытывать страх?» — об этом тоже часто спрашивает молодежь. Вряд ли на свете вообще существуют такие люди, которые никогда и ничего не боятся. Однако волевой, мужественный человек в большей степени, чем другие люди, способен подавить в себе чувство страха, приглушить естественный инстинкт самосохранения, сознательно подчинить свои поступки интересам народа, Родины. Коммунист-подпольщик Юлиус Фучик, погибший в фашистских застенках, очень точно сказал: «Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества».

Поддержка товарищества по несчастью, лежавших в палате раненых, помогла Маресьеву пережить черную минуту. Крепла решимость: человек не имеет права прекращать борьбу, пока сердце бьется в груди. Из книги Бориса Полевого известно, как летчик осваивал протезы, пытался даже танцевать, как вернулся в авиаполк и заново учился летать. Заново, но не с «нуля» — впервые его «поднял в небо» Комсомольск.

...Однажды на стене общежития появилось написанное от руки объявление: в городе организуется аэроклуб! Надо сказать, мечта о крыльях манила Алексея с детства, еще в Камышине. Все мальчишки находились под впечатлением эпопеи спасения челюскинцев, когда Ляпидевский, Водопьянов, Леваневский, Молоков и другие летчики были первыми в стране удостоены звания Героев Советского Союза. Что касается волгара Валерия Чкалова, то он был прямо-таки

кумиром юношества. Этот замечательный ас гармонично сочетал трезвый расчет и смелый риск, верность профессии и горячий патриотизм.

Итак, в Комсомольске-на-Амуре открывался аэроклуб. Первая радость от этого известия сменилась у Алексея обоснованной тревогой — пропустят ли врачи? Ведь уже дважды он подавал заявление в летную школу, и дважды медики не допускали до приемных экзаменов. «Летать с вашим ревматизмом?» — качали они головами, вынося свой приговор. Однако на сей раз волнения оказались напрасными. Год работы на открытом воздухе, дальневосточный климат, обтирания снегом по утрам — все это пошло на пользу. Медкомиссию он прошел и был зачислен в аэроклуб.

Пришли курсанты на первое занятие и разочаровались: не было ни инструктора, ни классов, ни самолетов, ни наглядных пособий. Короче, аэроклуб существовал пока на бумаге. Но как говорится, лиха беда — начало. Заводчане подарили несколько деталей от простейших машин, азы летного дела взялся преподать бывший бортмеханик. В один прекрасный день клуб стал обладателем самого что ни на есть настоящего самолета ПО-2 и собственного поля на берегу реки, которое превратили в аэродром своими руками. В штатное расписание наконец включили инструктора-летчика.

В выходные дни прибегали курсанты на аэродром и занимали места в «классе» (им служил большой пустой ящик, в какие упаковывают на авиазаводах машины). Заполняли теорией конспект за конспектом, а после занятий грустно бродили возле неподвижного самолета, ведь масло и горючее в ту пору нельзя было купить ни за какие деньги.

Выход все-таки нашли. Друзья с авиазавода с разрешения дирекции сливали в бидоны — капля по капле — горючее, оставшееся на дне почти пустых бочек. Удалось внести малую лепту и Алексею. В то время после работы на лесоповале его перевели механиком на катер «Комсомолец». Юркая эта посудина, меряя километры, перевозила пассажиров, строительные грузы, буксировала тяжелые баржи с песком, пробиралась по амурским рукавам к нанайским стойбищам. С помощью речников и раздобыли масло.

Начались полеты. Алексей чуть не заплакал от счастья, когда впервые поднял самолет в воздух. Пониженный каждому движению рук, каждому напряжению мускулов, он шел на малой высоте вдоль берега, заходил на виражи, делал круг за кругом над аэродромом.

Наступил 1937 год, вошедший в историю под знаком массовых репрессий. Но даже и в тот трагический период не засох родник героических традиций нашего народа, не иссяк трудовой энтузиазм миллионов. В молодых сердцах жило чувство ответственности за судьбы страны, хотелось поскорее увидеть Советский Союз могучей державой. Как раньше красноармейцы шли на штурм Перекопа и Волочаевки, так и комсомольцы 30-х годов штурмовали тайгу и небо. Именно в 1937 году, к пятилетнему юбилею Комсомольска-на-Амуре, состоялся первый выпуск аэроклуба. Вместе с Маресьевым экзамены успешно сдали друзья — личный шофер Иван Ткачев и токарь с авиазавода Петр Шемендюк. Все они получили летные удостоверения, «путевки в небо», как говорили тогда.

Кстати, с лейтенантом Петром Шемендюком довелось им увидеться в Иванове, где Алексей заново учился летать. Выслушав рассказ о злоключениях друга, Петр, горячо одобрил его решение вернуться в авиацию. Следующая встреча состоялась после войны, и оба они оказались вроде побратимов. Петр тоже был сбит и тяжело ранен, тоже вернулся в строй и стал Героем Советского Союза. А. Маресьева удостоили этого звания в августе 1943 года во время боев на Курской дуге, где он сбил два самолета противника. Всего же после тяжелого ранения он уничтожил семь вражеских машин. Какое чувство им владело — жажда мести? Скорее желание поскорее изгнать оккупантов с родной земли, избавить народ от мук и страданий.

— Хочу подчеркнуть, — говорит Алексей Петрович, — что в нашей стране геройзм носит массовый характер, стремление к подвигу — органическая черта советских людей. В том же Комсомольске чутят имена Евгения Дикопольцева, Владимира Орехова, Алексея Павловского и многих других героев войны. И сейчас многие ребята с доброй завистью смотрят на человека

с Золотой Звездой, многих мечта о подвиге окрыляет, воодушевляет на большие дела. Известно, что великая цель порождает и великую энергию.

Героем называют человека, который, собрав воедино свою волю, проявил храбрость и стойкость, с риском для жизни выполнил долг бойца, гражданина, патриота. Вместе с тем люди не рождаются готовыми героями, они становятся ими под влиянием целого ряда факторов. Следовательно, молодежь можно и нужно готовить к подвигу воспитанием в семье, школе, на корабле или в воинской части. Мужество выковывается изо дня в день в борьбе, в упорном сопротивлении трудностям.

Следует особо выделить воспитание на замечательных революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа. Здесь многое делают организации ветеранов войны и труда, с чьей работой связана вся послевоенная жизнь Маресьева. В судьбе каждого подрастающего поколения, размышляет он, должна быть своя «стартовая площадка» для взлета, свой Комсомольск, будь то освоение целины, покорение космоса или строительство Байкало-Амурской магистрали.

Примечательно, что повсюду на планете крепнет национальное самосознание, растут в цене патриотические чувства, и вдвойне обидно, что в своем собственном отечестве мы нередко предаем забвению адреса подвига, сдаем их в архив. Сейчас признается, например, что ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан был ошибкой. Но правомерен вопрос: не меньшей ли идеально-политической ошибкой было многолетнее замалчивание того, как героически сражались там тысячи наших сыновей? Упущен, сведен на нет мощный потенциал военно-патриотического воспитания.

Быстро летит время. Комсомольск превратился в довольно крупный город с 300-тысячным населением, с металлургической, машиностроительной и нефтеперерабатывающей промышленностью, есть два вуза, собственный театр. А эстафету трудового подвига подхватывают все новые поколения. Вспоминается Ярославский вокзал Москвы. На площади, на перроне многолюдно и шумно, играют оркестры, повсюду цве-

ты. Так мы провожали отряд добровольцев, уезжавших на строительство БАМа. Алексей Петрович разговаривал с молодыми, и они понимали его с полуслова. Эти парни и девушки были заряжены той же энергией, что помогала нам строить города и подниматься в небо, защищать свою землю от захватчиков и возрождать ее из руин. Кажется, совсем недавно это было, а вот уже и магистраль проложена, и столица БАМа — Тында поднялась под стать Комсомольскуна-Амуре.

Народный депутат СССР Мересьев глубоко убежден, что деятельное, героическое начало неистребимо живет в нынешней молодежи. И ступеньками к подвигу, как говорит опыт ветеранов, являются преодоленные трудности. Говоря словами известной песни: «Готовься к великой цели, а слава тебя найдет!»

МЕРЕСЬЕВ И КОМИССАР *

Как раз в этот момент и внесли пятого.

Он был, должно быть, очень тяжел, так как носилки скрипели, глубоко прогибаясь в такт шагам санитаров. На подушке бессильно покачивалась круглая, наголо выбритая голова. Широкое желтое, точно налитое воском, одутловатое лицо было безжизненно. На полных белых губах застыло страдание...

Мересьев, которому этот большой распухший человек с первого взгляда почему-то не понравился, с неприязнью следил за тем, как два санитара, две сиделки и сестра общими усилиями с трудом поднимали того на кровать. Он видел, как лицо новичка вдруг побледнело и покрылось испариной, когда неловко повернули его бревноподобную ногу, как болезненная гримаса перекосила его побелевшие губы. Но тот только скрипнул зубами.

* Отрывок из книги «Повесть о настоящем человеке». Цит. с сокр. по: Библиотека героики и приключений «Подвиг», № 3.— М.: Молодая гвардия, 1971.— С. 86—131.

Очутившись на койке, он сейчас же ровно выложил на краю одеяла каемку пододеяльника, стопками разложил по тумбочке принесенные за ним книжки и блокноты, аккуратно расставил на нижней полочке пасту, одеколон, бритвенный прибор, мыльницу, потом хозяйственным оком подвел итоги всем этим своим делам и тотчас, точно сразу почувствовал себя дома, глубоким и раскатистым басом прогудел:

— Ну, давайте знакомиться. Полковой комиссар Семен Воробьев. Человек смиренный, некурящий. Прошу принять в компанию.

Он спокойно и с интересом оглядел товарищей по палате, и Мересьев успел поймать на себе внимательно-испытующий взгляд его узеньких, золотистых, очень цепких глаз.

— Я к вам ненадолго. Не знаю, кому как, а мне здесь залеживаться недосуг. Меня мои конники ждут. Вот лед пройдет, дороги подсохнут — и айда: «Мы красная кавалерия, и про нас...» А? — пророкотал он, заполняя всю комнату сочным, веселым басом.

— Все мы тут ненадолго. Лед тронется — и айда... ногами вперед в пятидесятую палату, — отозвался Кукушкин, резко отвернувшись к стене.

Пятидесятой палаты в госпитале не было. Так между собой больные называли мертвецкую. Вряд ли комиссар успел узнать об этом, но он сразу уловил мрачный смысл шутки, не обиделся и только, с удивлением глянув на Кукушина, спросил:

— А сколько вам, дорогой друг, лет? Эх, борода, борода! Что-то вы рано состарились.

* * *

С появлением в сорок второй нового больного, которого все стали называть между собой Комиссар, весь строй жизни палаты сразу переменился. Этот грузный и немощный человек на второй же день со всеми перезнакомился и, как выразился потом о нем Степан Иванович, сумел при этом к «каждому подобрать свой особый ключик».

Со Степаном Ивановичем он потолковал всласть о конях и об охоте, которую они оба очень любили,